УДК 343.13

Д. В. Кузнецов
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Казанского юридического института МВД России

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Применение мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве является не только важным способом пресечения противоправного поведения подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе. Данные меры также призваны обеспечивать безопасность иных участников уголовного процесса, а также созданы для верной и быстрой реализации уголовного преследования правоохранительными органами. Каждое государство внедряет в свое уголовно-процессуальное законодательство наиболее эффективные и в должной мере понятные для граждан меры принуждения, которые также обусловлены наиболее распространенными на территории страны преступлениями. Российская Федерация и Республика Беларусь имеют очень схожее уголовно-процессуальное законодательство, что обусловлено широким сотрудничеством стран, исторически сложившимися, хорошими партнерскими отношениями, а также близостью менталитетов граждан. В то же время каждая из стран создавала рассматриваемый закон под свои цели и совершенствовала на основе появлявшихся в различный период времени вызовов.

Сравнивая меры уголовно-процессуального принуждения России и Беларуси, следует изначально обратиться к такой мере, как задержание. В Российском законодательстве понятие задержания дано в п. 11 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации [1]. При этом интересным представляется используемая в Российской Федерации формулировка — «задержание подозреваемого». Законодатель Республики Беларусь посчитал неуместным выведение данного понятия в ст. 6 УПК Республики Беларусь и перенес его в ст. 107 рассматриваемого кодекса [2], что с точки зрения практического применения видится более удобным. При этом также важно подчеркнуть, что в Республике Беларусь в определение задержания включено доставление лица в орган уголовного преследования. В России о внедрении термина «доставление» в определение задержания говорят уже достаточно много лет [3, с. 31; 4, с. 120]. В то же время до настоящего момента в России «доставление» в уголовном процессе практически существует только в ч. 1 ст. 92

УПК Российской Федерации [1], требующей составления протокола задержания не позднее 3 часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Достаточно важным отличием, существующим между задержанием в Российской Федерации и Республике Беларусь, является основание, указанное в ч. 2 ст. 91 УПК Российской Федерации [1]. Анализ уголовно-процессуального законодательства России выявляет достаточно значимую проблему трактовки данной части. Так, к примеру, она существует отдельно от ч. 1 рассматриваемой статьи, что говорит о том, что правило, указанное в ней, а именно то, что задержание проводится лишь за преступления, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы, к ч. 2 ст. 91 УПК Российской Федерации не относится [1]. Таким образом, лицо может быть задержано в России за любое преступное деяние, «при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет места жительства или места пребывания, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу» [1].

В Республике Беларусь аналогичная правовая норма сконструирована несколько иначе. Так, в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 107 УПК Республики Беларусь [2], задержание подозреваемого возможно только за преступления, по которым в Уголовном кодексе Республики Беларусь предусмотрено наказание в виде лишения свободы. В то же время обвиняемого и осужденного по положениям рассматриваемой статьи в Республике Беларусь имеется возможность задержать и в случаях, когда за преступление лишение свободы не предусмотрено в качестве наказания. Несмотря на то, что указанное представляется достаточно удобным и понятным, возникают вопросы к пониманию положений ч. 3 ст. 107 УПК Республики Беларусь [2], положения которой в дальнейшем разъясняются в ст. 108, 112 и 113 данного кодекса [2]. Данные нормы не прописывают условий о том, что лицо должно подозреваться в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы, что, по сути, создает, так же как и в России, определенную путаницу. Крайне важно отметить указанную в УПК Республики Беларусь возможность задерживать лицо до возбуждения уголовного дела. Указанное прописано в ч. 2 ст. 108 УПК Республики Беларусь [2]. Для Российской Федерации задержание до возбуждения уголовного дела невозможно, что порождает ряд правоприменительных проблем, с этим связанных.

Проводя анализ иных мер уголовно-процессуального принуждения, используемых в УПК Республики Беларусь, следует отметить весьма продуктивный подход к законодательному регулированию такой меры, как личное поручительство. Так, в Российской Федерации данная мера закреплена в ст. 103 УПК Российской Федерации [1]. При этом практика показывает достаточно низкую эффективность ее реализации в ходе предварительного расследования. Полагаем, что указанное может быть обусловлено достаточно низкими санкциями за ее нарушение — до 10 тыс. рублей. Кроме того, в России для реализации данной меры достаточно одного личного поручителя. В Беларуси, в соответствии со ст. 121 УПК Республики Беларусь [2], минимальное количество поручителей — два человека. При этом санкция за нарушение поручительства на момент подготовки данного материала составляла от 104 958 до 524 790 рублей (в переводе на российскую валюту). Данную меру пресечения в России регулярно обсуждают, и практика ее применения невысока — 4,4 % опрошенных на фоне 32,3 %, применяющих подписку о невыезде и надлежащем поведении [5, с. 55].

Представляется необходимым обратить внимание на такую иную меру процессуального принуждения, как денежное взыскание. В УПК Республики Беларусь данная мера напрямую не регламентирована отдельной статьей, так как это сделано в России. Так, в Беларуси имеется ст. 134 УПК Республики Беларусь [2], которая называется «Порядок наложения денежного взыскания и обращения залога в доход государства». В ней указано, что денежное взыскание может быть наложено только в случае нарушения личными поручителями обязательств, принятых ими в порядке ст. 121 УПК Республики Беларусь [2]. В Российской Федерации денежное взыскание предусмотрено ст. 117 УПК Российской Федерации [1], которая представляет возможность органам предварительного расследования и суду применять данную меру в том числе в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК Российской Федерации, а также нарушения ими порядка в судебном заседании. Полагаем, что законодатель Республики Беларусь может обратить внимание на российскую модель данной меры принуждения. Указанное позволит контролировать поведение всех участников уголовного судопроизводства, реализовывая данную меру в отношении нарушителей, в отношении которых, к примеру, не представляется возможным применять меры пресечения.

Проведенный нами краткий анализ демонстрирует схожесть уголовно-процессуальных систем Российской Федерации и Республики Беларусь. Также мы видим, что каждый из изученных уголовно-процессуальных законов за счет

двустороннего анализа может быть усовершенствован под цели, поставленные законодательными властями обеих стран в рамках создания тех или иных мер уголовно-процессуального принуждения.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 28 дек. 2024 г. № 510-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 21 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Баранов А. М, Супрун С. В. Момент фактического задержания подозреваемого // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 3. С. 31–34. Вернуться к статье

4. Большаков Е. В., Назаров И. Д. К вопросу о процессуально-правовой проблематике задержания лица по подозрению в совершении преступления // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2. С. 119–130. Вернуться к статье

5. Симагина Н. А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД Рос. Федерации. М., 2020. 203 с. Вернуться к статье